

ОХОТНИЧИЙ ПРОМЫСЕЛ НЕГИДАЛЬЦЕВ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

Анатолий Федорович СТАРЦЕВ,
доктор исторических наук

Территория района им. Полины Осипенко богата ценным пушным и копытным зверем. В глухих елово-пихтовых лесах встречаются соболь, в хвойных — белка-летяга; из хищных зверей — бурый медведь и редко — волки. Медведь обитает по Тугуру и Амгуни, около Чукчагира, Удинска и по окрестностям озер Орель и Чля. По берегам рек и притоков Тугура, Немилена и Амгуни, заросших кустарником, живет выдра¹. В лесах водятся лисица, колонок, барсук, горноста́й, росомаха и рысь, заяц беляк, бурндук. Из копытных животных имеются лоси (сохатые), северные олени и косули. Копытные и пушные животные являются основным предметом охоты местных охотников².

Большое количество рек и малых озер служит пристанищем для перелетных птиц, часть из них в зависимости от погоды остается здесь на 10—30 дней. Весной и осенью охотникам-любителям разрешается отстрел водоплавающей дичи. Из боровой дичи в лесах водятся глухари, рябчики, пищуга и куропатки.

Добычей пушного и копытного зверя в районе занимаются охотники разных национальностей — негидальцы, эвенки, а также переселенцы — русские, украинцы и др. В отличие от русских охотников, для которых в прошлом охота была только дополнительным приработком или рассматривалась как развлекательное мероприятие, для негидальцев (особенно верховской группы), ведущих полукочевой образ жизни, она являлась одним из основных источников существования. В 1925 г. 74,3% негидальских хозяйств бассейна Амура занимались охотничьим промыслом³. «Жизнь за счет присвоения даров природы без затраты труда... на их восстановление и обработку является характерной чертой всех туземцев, резко отличающей их от русских и немногочисленных китайцев и корейцев»⁴, — отмечал В.П. Литвинцев в 1925 г.

С установлением советской власти в районах Нижнего Амура и других регионах Дальнего Востока аборигены испытывали огромные трудности с приобретением оружия, боеприпасов и продовольствия. В принципе негидальцы имели огнестрельное оружие (берданки, дробовики и заграничные винтовки)⁵. Например, в 15 негидальских хозяйствах, в которых насчитывалось 117 чел., живших по Амгуни выше с. Керби (современный пос. П. Осипенко), имелось 12 гладкоствольных и 31 нарезное ружье⁶. Но все это оружие было устаревшим и изношенным. Соболя, выдру, лису и других пушных из-за отсутствия в достаточном количестве боеприпасов добывали, как и в старину, традиционными ловушками давящего

или защемляющего типа, самострелами и петлями, а патроны берегли для охоты на крупного зверя. В 1926 г. девять охотников Кербинского района добыли 356 белок, 7 выдр, 7 горностаев, 11 зайцев, 3 колонков, 3 красные лисы, 2 бурых медведя, 1 рысь, 1 росомаху, 3 кабарги, 1 лося⁷. Однако, на наш взгляд, эти данные не совсем соответствуют действительности. Здесь нет объективных показателей по добыче соболя, диких оленей и лосей. Негидальцы и другие аборигены Нижнего Амура всегда занимались добычей соболя и копытных животных, составляющих экономическую основу аборигенных хозяйств.

Известно, что из копытных животных наибольшее промысловое значение имели лоси и дикие олени. Лось (сохатый) промышляется по насту, летом — по озерам, морям и переправам, иногда для загона используются собаки. Охотятся на него в основном негидальцы. В 1925 г. в своих исследованиях В.П. Литвинцев отмечал: «...определить значение добычи сохатого и дикого оленя в жизни негидальцев очень трудно. Если подходить со средней оценкой головы сохатого в 40 рублей и дикого оленя в 25 рублей и определить количество добытых зверей: сохатого в 40 штук и дикого оленя в 20 штук, получим солидную сумму дохода, равную 2100 рублей, что в год дает на охотника около 100 рублей дохода, т.е. около 18 руб. на едока. В переводе на натуральное измерение эти два промысловых объекта дают негидальцам общее количество мяса 400 пуд., что составляет 3,4 пуд. в год, или 11 фунтов в месяц на едока. Такой подсчет, конечно, не совсем точен, но и не преувеличен. Безгранично щедрая природа до крайности избаловала негидальцев. Не было никакой необходимости применять простейшие приемы сохранения мяса (вяление и копчение), знакомые туземцам в менее обильных дичью местностях; стоило сесть на оморочку или пойти с собаками в недолгие поиски следов — и запасы продовольствия пополнялись до новой добычи. Рассказывают, как неоднократно негидальцы, возвращаясь после удачной охоты, встречая сохатого и предполагая, что новый зверь больше и жирнее добытого, убивали его, бросая первого»⁸.

Интенсивная добыча пушных и копытных животных привела к тому, что уже к первой четверти XX столетия в охотничьих угодьях Приамурья и Приморья, в том числе и в местах обитания негидальцев, их численность значительно сократилась. Например, в 1912 г. в охотничьих угодьях Николаевского уезда (о-в Сахалин) было добыто 1155 соболей и 630 лисиц, в 1921 г. — 650 соболей, а в 1924—1925 гг. — 73 соболя и 450 лисиц, если в 1920 г. лося (сохатого) добывали не менее 1000 голов в год, то за 1925 г. — 80⁹. В специальном исследовании Н.Н. Радаева отмечается, что в 1925 г. амгунский охотник при интенсивной охоте мог добыть только 1—2 соболя, 100, а в удачливый год 400 белок, 4—5, редко 10, лосей, 1—2 лисицы и 1 выдру. Материалы Н.Н. Радаева не расходятся и с данными И. Гапановича, проводившего исследование в 1925 г. Если в конце XIX в. в бассейнах Амгуни и Керби одним охотником добывалось более 20 соболей, в начале XX в. — 10—15, то в 1925 г. — только один соболю. По данным И. Гапановича, назрела необходимость поставить охотничий промысел пушного и копытного зверя под особый контроль государства¹⁰.

До установления советской власти в Приамурье скупка пушнины производилась русскими, якутами и китайцами на ярмарках, которые функ-

ционировали в пос. Кульчи на оз. Орель, Бурукане на р. Тугуре, в Гуге на р. Амгуни, в Чумикане на р. Уда и других селениях, где проживали аборигены, промышлявшие охотой¹¹. С 1923 г. скупкой пушнины занялась т. н. Северная эксплуатационная компания, с 1924 г. — Союз Усть-Амурских кооперативов. Районы скупки пушнины совпадают с районами расселения туземцев: Удинск, Им на Амгуни, Керби, Веселая Горка, Бурукан и верховья Амгуни. Тибленские тунгусы сбывают пушнину непосредственно в Николаевск-на-Амуре¹².

«Соболь, благодаря ажиотажу, созданному заготовителями пушнины, оценивался в 1925 г. в 120—150—200 руб. и лучший экземпляр был продан за 250 руб.; белка расценивалась в 1 руб. — 1 руб. 30 коп. и колонок 1 руб. 50 коп. — 2 руб., мясо лося — 4 руб. за пуд, медведь 8—15 руб., лисица 12—13 руб., выдра 20—25 руб., заяц — 30 коп. Местные цены на охотприпасы: бердана — 26 руб., порох — 2 руб. 50 коп. — 3 руб. за фунт; на продукты питания: мука второго сорта — 11 руб., масло бобовое до 22 руб. за 1 пуд, чай — 3 руб. 60 коп. за кирпич, табак листовой — 90 коп.»¹³

Интенсивный промысел наиболее ценных пушных и копытных животных мог привести к полному прекращению охотопромысловой деятельности в бассейне р. Амгуни. Назрела необходимость принятия срочных мер по восстановлению соболя и других животных в таежных угодьях не только негидальцев, но и в других районах Приамурья и Приморья.

Охотопромысловая деятельность населения Дальневосточного края была поставлена под особый контроль советской власти. В районах обитания негидальцев и других аборигенов Нижнего Амура учредили первые декреты советской власти, в которых предусматривались сроки охотничьего промысла и оговаривалось право на использование и приобретение оружия¹⁴. Однако в них не учитывались особенности хозяйства аборигенов. Им запрещалось добывать зверя в неурочное время, не все трудоспособные негидальцы получили возможность иметь огнестрельное оружие. Обязательным стал охотничий билет, за регистрацию оружия нужно было платить налог. За охоту без билета охотник наказывался конфискацией оружия, добытой пушнины и штрафом. «Положение об охоте», утвержденное СНК РСФСР в 1923 г.¹⁵, отменило эти ограничения для народов Севера.

В 1925 г. делегаты Первого туземного съезда поставили вопрос о пересмотре некоторых правил охоты. Ими было предложено Далькрайисполкому освободить аборигенное население от выборки охотничьих билетов, платы за регистрацию оружия и провести разграничение участков охоты. Местные органы власти учли эти предложения. В силе оставался лишь запрет на охоту в неурочное время¹⁶.

5 апреля 1927 г. Далькрайисполком принял постановление «О правилах и способах охоты в ДВК». Коренному населению разрешалось заниматься охотой без наличия охотничьего билета, а также применять самострелы с условием ограждения их предупредительными знаками. Однако и аборигенам «...запрещалось добывать зверей и птиц давящими или повреждающими приспособлениями, как, например, петлями, силками, плашками, кулемками...»¹⁷. По шестому параграфу этого постановления запрещалась охота на соболя (кроме Камчатки), выдру, кабаргу, пятнистого оленя и других животных. Но аборигенам Приамурья и Приморья разрешалось добывать взрослых самцов лося и изюбря круглый год, за

исключением периода пантовки изюбрей. Седьмым параграфом устанавливались сроки охоты на тех или иных зверей. Например, на кабана, лису, куницу можно было охотиться с 1 ноября по 15 февраля, на белку — с 1 ноября по 1 февраля, на козу — с 15 октября по 15 февраля, на зайца — с 1 сентября по 15 февраля. Устанавливались сроки охоты и на птицу. На рябчика разрешалось охотиться с 1 августа по 15 марта, на водоплавающих — гусей, уток и др. — с 15 августа по 10 мая¹⁸.

Со второй половины 1920-х гг. внимание центральных и местных органов власти к охотничьему хозяйству заметно возросло. Пушнина для государства стала важным источником валютных поступлений. Начинается период реконструкции охотхозяйства путем превращения индивидуального промысла в самостоятельную отрасль.

В связи с тем, что у амгунских негидальцев не было своего кооператива вплоть до 1927 г., организацией охотничьего промысла в регионе занимался Союз Усть-Амурских кооперативов Далькрайсоюза, в составе которого находился и Кербинский потребительский кооператив «Золотое руно». Однако работа этого кооператива с аборигенным населением района имела недостатки: «...высокие наценки на товары и стремление к оборотам, не имеющим длительного характера, перенесение центра тяжести работы на золотопромышленность, по всей видимости, совсем не устраивает туземное население»¹⁹. Такая система обслуживания туземного населения, как отмечалось в документах Комитета Севера, увеличивает лишь оборотные средства кооператива, но ничего не дает взамен самим туземцам. «Общий кооператив по общему правилу только торгует и остается чуждым нуждам данного тузрайона...»²⁰.

Потребительские кооперативы не ставили своей задачей охватить кооперацией аборигенное население Приамурья и Приморья, в составе Далькрайсоюза была организована специальная секция, осуществлявшая непосредственное руководство работой туземных кооперативов²¹. Появление на Дальнем Востоке отраслевой кооперации привело к образованию и охотничьей кооперативной системы — Дальохотсоюза. Краевой охотничий кооператив во всех отдаленных регионах Приамурья и Приморья организовал кооперативные точки и среди амгунских аборигенов. «В этом районе охотничья кооперация сразу же обратила на себя внимание туземца. Охотничьи товары, ввиду их сравнительной дешевизны, брались нарасхват. С первых дней работы охотычеек на местах был взят правильный курс: поменьше организационных расходов, поменьше наценок на товары, что дало возможность продавать охотприпасы значительно дешевле, чем в «Золотом руно» Кербинского потребительского кооператива»²².

«К сожалению, охотоприпасы Дальохотсоюзом не были своевременно заброшены на Амгунь в достаточном количестве, что вызвало недоснабжение туземцев более дешевыми и нужными товарами. Годовая потребность охотоприпасов для всего охотничьего населения Амгунского района выражается в 2400 кг пороха, 12 000 кг дробы, 60 000 шт. пистон и 2000 пуль»²³.

Вначале аборигены края с недоверием отнеслись к кооперативам, поэтому их внедрение проходило с большим трудом, особенно среди негидальского населения. В 1927 г. Далькрайисполком поручил Дальохотсоюзу активизировать работу по кооперированию охотопромыслового населения Приамурского региона²⁴.

Кооперативы Дальохотсоюза обязывались поставлять аборигенному населению оружие, боеприпасы и продовольствие, а также заниматься пропагандой кооперативного строительства²⁵. Но свои обязанности работники Дальохотсоюза выполняли не всегда добросовестно, часто игнорируя нужды коренного населения. Например, в 1928 г. от Комитета Севера при СНК в Дальохотсоюз для коренных жителей Дальнего Востока поступило 520 нарезных винтовок пехотного образца и по 200 патронов к каждой. Винтовки предполагалось продавать по цене 17 руб. 80 коп. вместе с патронами при наличии членского билета и под роспись покупателя²⁶. Однако это оружие чиновники Охотсоюза распределили по охотничьим товариществам, где аборигенов не было. По этому поводу К.Я. Лукс 19 февраля 1928 г. в письменной форме информировал Дальохотсоюз о неправильном распределении оружия и боеприпасов, особо подчеркивая, что оно было проведено без участия и согласования Краевого комитета Севера.

К.Я. Лукс от имени Комитета Севера потребовал вернуть оружие (305 винтовок и 61 000 патронов к ним) и направить его в туземные районы, где обитали нанайцы, удэгейцы, ульчи, орочи, негидальцы и другие аборигены Нижнего Амура и Приморья²⁷. В списке туземных районов для получения оружия и патронов, составленном К.Я. Луксом, указывались и амгунские аборигены, которым было направлено 20 винтовок²⁸.

В 1927 г. в Николаевском-на-Амуре округе был создан Амгунский кооператив племени *негда*²⁹, который был включен в сферу деятельности Дальневосточного охотничьего союза. С этого времени кооперативная система Дальохотсоюза стала ответственной за поставки аборигенам предметов бытовой культуры, продовольствия, оружия и боеприпасов.

Охотопромысловые кооперативы снабжали охотников не только оружием, но и продовольствием в кредит. Однако аборигены возвращать долги кооперативам не торопились. Они предпочитали сдавать пушнину в государственные магазины за наличные деньги, в результате кооперативы оставались с долгами, а Госторг — с прибылью. Как отмечалось в документах Комитета Севера, «...систему двух заготовителей в туземных районах надо решительно отбросить и оставить только одного. Сохранение конкуренции между двумя заготовителями в туземных районах означает не что другое, как курс на разорение туземных кооперативов и разбазаривание вложенных в них государственных и кооперативных средств»³⁰.

16 января 1929 г. Далькрайисполком обязал Крайторг совместно с Комитетом Севера пересмотреть сеть всех пушных заготовителей в туземных районах и в будущем не допускать, чтобы в одном районе работали два заготовителя. Однако Крайторг это постановление проигнорировал и продолжал заготовку пушнины в местах расселения аборигенов до конца 1931 г., до 1933 г. заготовкой пушнины занимались охотопромысловые кооперативы, а до 1940 г. — только Союзпушнина³¹.

В начале 1930-х гг. на территории бассейна Амгуни начинается постепенный переход от производственной кооперации к коллективизации. Были созданы две артели: одна среди верховских негидальцев — «Красный Чукчагирец», другая у низовских аборигенов — «Новая жизнь». Таким образом, охотничий промысел пушного и копытного зверя был поставлен под особый контроль государства. Решением местных органов власти за негидальскими колхозами «Красный Чукчагирец» и «Новая

жизнь» во временное пользование были закреплены охотничьи угодья по побережью оз. Чукчагир, р. Эворон, р. Кукурме с прилегающими горами и Кокольнинская долина³². В 1935 г. в целях сохранения ценных видов дальневосточной фауны был принят закон, запрещавший в течение последующих пяти лет охотничий промысел пушного и копытного зверя. Этот запрет способствовал восстановлению численности соболя и ценных копытных животных в Хабаровском крае³³. После снятия запрета на добычу соболя щадящее отношение к нему продолжалось. В первой половине 1940-х гг. по всему району им. Полины Осипенко добывалось менее 50 зверьков³⁴. И только в начале 1950-х гг. лимит на отстрел соболя был установлен в пределах 10% от всей его численности, что составляло 400 штук в год, а к началу 1960-х гг. стали добывать более 800 зверьков³⁵.

Непосредственное руководство охотничьим промыслом в негидальских колхозах осуществлял Амгунский интегральный кооператив, а с 1936 г. организация охотничьего хозяйства легла на плечи колхозов. Следует отметить, что, хотя охотничий промысел и считался с этого времени отраслью колхозного производства, фактически он никогда ею не был. В развитие промыслового хозяйства колхоз не вкладывал средств, да и сам почти ничего не получал от охоты. В его функции входила одна обязанность — по договору с заготовительной организацией отпустить на промысел колхозников, что по экономическим соображениям правление колхоза делало с большой неохотой. В 1935 г. был объявлен Всесоюзный пятилетний запрет охоты на соболя, и правление колхозов перестало давать разрешение своим членам. Колхозам было невыгодно отправлять людей на охоту в ущерб развитию сельскохозяйственного производства. Охотники, уходившие на промысел без разрешения, подвергались различным наказаниям вплоть до суда³⁶. По этому поводу районные руководители писали, что из-за недостаточного внимания к развитию промыслов в национальных артелях не получили должного развития такие традиционные отрасли народного хозяйства, как охота, оленеводство и рыболовство³⁷.

Охотой на пушного и копытного зверя в районе им. Полины Осипенко промышляли аборигены, проживавшие в селениях Гуга, Каменка, Чукчагир, Сонока и Салави, для которых охота в зимний период являлась основным занятием. До конца 1936 г. в районе было две организации, занимавшиеся заготовкой пушнины, — Дальзаготпушнина и Интегралсоюз, но они систематической массовой работы среди охотников не проводили, тем более не занимались повышением их квалификации³⁸.

В 1935 г. в районе насчитывалось 85 охотников, а в 1936 г. — 55, так как часть из них стали проводниками в разных экспедициях или выполняли различные работы в других хозяйственных организациях. Точно установить численность охотников-негидальцев невозможно, потому что в документах отсутствуют данные по национальному составу. Но если учесть, что в двух негидальских колхозах имелось около 20 трудоспособных мужчин, то можно предположить, что в охотничьем промысле принимало участие не более 10—15 чел. В сезон 1935/36 г. план по добыче цветной пушнины и мяса копытных животных был определен в 72 034 руб., фактически же его выполнили на 107%³⁹.

Негидальцы охотились преимущественно в одиночку, применяя традиционные и современные способы охоты. Пушных зверьков в снежное

время по свежему следу добывали гоном, загнав в нору, использовали специальные сеточки — рукавички, копытных животных — лося и дикого оленя — добывали скрадыванием или караулили их у водопоя. Наряду с традиционными ловушками давящего типа охотники при добыче пушных животных ставили и покупные металлические капканы.

В 1939 г. охотничий промысел находился на контроле Каменского сельского совета, на заседаниях которого рассматривались вопросы заготовки промысловиками пушнины и мяса копытных животных. Сельский совет утверждал и списки охотников, подготовленные Дукинским заготовительным пунктом⁴⁰. Пушнину сдавали в Дукинский заготовительный пункт Союзпушнины по государственным ценам⁴¹. В 1939 г. мясо копытных животных охотники «Красного Чукчагирца» сдавали колхозу не за наличные деньги, а под трудовни. За 16 кг мяса начислялся один трудоводень⁴². Подобная оплата труда практиковалась вплоть до 1960-х гг.

В 1942—1943 гг. в районе насчитывалось 43 кадровых охотника высокой квалификации. В этот охотничий сезон они были обеспечены боеприпасами, оружием, капканами. По плану охотники Полино-Осипенковской конторы «Заготживсырьё» обязывались добыть пушнины на 52891 руб., фактически выполнили на 108%, план заготовки мяса диких животных — на 116%, дичи разной — на 5%⁴³. В 1944 г. все высококвалифицированные охотники были призваны в ряды РККА, остались старики, инвалиды, женщины и дети. В сезон охоты им вместо свинцовой дроби выдали чугунно-свинцовую дробь, которая не соответствовала установленным нормам. Палатками, обувью, охотничьими костюмами также не обеспечили.

Охотники-негидальцы и эвенки из колхоза «Новая жизнь» добывали разные виды пушных животных и копытных зверей — лосей и диких оленей. В охотничий сезон 1943/44 г. их насчитывалось всего 20 чел. — 12 квалифицированных охотников (8 мужчин, 4 женщины), 3 ученика и 5 любителей. У негидальцев в основном было личное оружие, только наиболее опытные охотники имели нарезные берданки, у остальных — 9 нарезных винтовок системы «Бердана» изношенностью до 50%, 14 малокалиберных винтовок (изношенность до 75%) и 8 гладкоствольных дробовых ружей. Кроме этого, имелось 320 металлических капканов⁴⁴, в среднем менее 10 штук на одного охотника. Пушнину сдавали на Полино-Осипенковский, Весело-Горский и Гугинский заготовительные пункты, которые обслуживали национальные селения Чукчагир, Горпа, Каменское и Гуга⁴⁵ и селения, где проживали русские промысловики.

Осенью 1943 г. негидальские охотники на пушной промысел вышли с опозданием. Работники «Заготживсырья» не выполнили обязательств по разведке пушного зверя, и охотники потеряли много времени на его поиски. Кроме того, 9 охотникам, занимавшимся промыслом в верховьях р. Нелан, заготовительными пунктами не были доставлены продукты питания и боеприпасы⁴⁶.

Несмотря на трудности различного характера, охотники Соловьев Семен Павлович и Соловьев Семен Васильевич, Соловьев Михаил, Титов Дмитрий, Яковлев Петр, Платонов Трофим, Владимиров Павел, Максимов Николай, Федотов Григорий (78 лет) сдали пушнину на Гугинский заготпункт с большим перевыполнением плановых заданий и были признаны лучшими охотниками района в первом квартале 1944 г.⁴⁷

В послевоенный период охотники стали добывать не только пушных зверей приамурской фауны, но и американскую норку, акклиматизация которой началась в конце 1930-х гг. В пределах Хабаровского края было расселено 2620 зверьков, которые освоились в новых местах и в количественном отношении достигли промыслового уровня. Одновременно с расселением норки в Приамурье в 1946 г. была завезена и североамериканская ондатра. Этот зверек отлавливался не только из-за красивой шкурки, но ценилось и мясо, известное в американских ресторанах как мясо болотного кролика⁴⁸. Ондатра заселила водоемы и быстро размножилась⁴⁹.

Районный план пушной продукции в 1948 г. был выполнен на 133%, что составило в денежном выражении 79 423 руб. За счет добычи американской ондатры в 1949 г. план по заготовкам пушнины в районе им. Полины Осипенко был выполнен на 109,6% — сдано продукции на 109 666 руб. В 1950 г. за высококачественную пушнину государство получило десятки тысяч рублей⁵⁰.

В 1955 г. директор районной конторы «Заготживсырье» Ю. Кузнецов представил экономическую справку, в которой отметил, что развитие охотничьего промысла в колхозе «Новая жизнь» находится на низком уровне. Промысел ценного пушного и копытного зверя проводится нерационально. Колхоз не отвечал за сохранность охотничьих угодий, не нес ответственности и за выполнение плана пушнозаготовок. Каждый охотник шел с одной целью — добыть любыми средствами пушнину и как можно больше получить денег, он не был заинтересован в сохранении запасов пушного зверя в том или другом участке охотугодий. Неправильная и непродуманная организация хозяйства в национальных артелях привела к ряду отрицательных последствий... Во-первых, в 1942—1943 гг. допущена серьезная ошибка, когда объединили товарищества «Новая жизнь», «Красный Чукчагирец» и «Горпа» в одну сельскохозяйственную артель «Новая жизнь». Непродуманное объединение, неудачный подбор места вселения колхоза и отсутствие учета национальных запросов привело к тому, что многие квалифицированные охотники самовольно ушли из артели, избрав путь индивидуального охотничества. Во-вторых, в результате неправильной эксплуатации отдельных участков охотугодий был допущен перепромысел такого ценного вида, как соболь, по р. Нелан. Тогда как по реке Немилен и в Дукинской глубинке на протяжении нескольких лет допускаясь недопромысел, одинаково вредный для любого вида

Основные производственные

Годы	1951	1952
Всего выработано трудодней по всем отраслям колхозного хозяйства	5 467	6 777
В том числе в охотпромысле	105	116
Доходы колхоза от реализации продукции растениеводства, животноводства, рыболовства и др. промыслов, кроме охотничьего (в руб.)	1 210	1 756
Доходы колхоза от реализации охотничьего промысла и отчисления от пушзаготовительных организаций (в руб.)	5 610	30 030
Итого	6 820	31 736

зверя. Не освоен промысел норки, которая была выпущена еще в 1950 г. До сих пор не переведен капкановый или ружейный промысел соболя на промысел ящичными живоловушками⁵¹.

В 1955 г. решался вопрос о переводе негидальского колхоза «Новая жизнь» на устав охотопромыслового хозяйства. Основным критерием такого перевода явилось то, что колхоз в течение долгого времени от рыболовства и охоты получал доходов больше, чем от растениеводства и животноводства. «При переводе колхоза на новый устав, — писал директор конторы «Заготживсырье» Ю. Кузнецов, — за колхозом в целом и за бригадой охотников в отдельности будут закреплены охотугодя, ввиду чего создается возможность наиболее рациональной эксплуатации фауны нашего района, а следовательно, увеличится поголовье пушных зверей, за счет чего улучшится материальное положение колхозников и повысятся доходы артели в целом. Кроме того, с организацией такого колхоза мы переведем на оседлый образ жизни ту часть бывших колхозников, которые по тем или иным причинам ушли из колхоза после объединения и превратились в единоличников — охотников»⁵².

В конце 1940 — начале 1950-х гг. вооружение и снаряжение охотников постепенно изменялось. Широкое распространение получили малокалиберные винтовки и капканы. Малокалиберные винтовки использовались преимущественно при добыче белки, а металлические капканы — для лова как мелких пушных животных (соболь, колонок, белка и др.), так и животных средних размеров (выдра, лиса, харза и др.). Наиболее практичными оказались тарелочные капканы под номерами «0» и «1» для добычи колонка и соболя, капканы № 2—3 применялись для добычи выдры и лисы. Новые орудия труда требовали от колхозных охотников новых методов их установки. Например, металлические капканы широко использовались не только при добыче соболя, но и выдры.

В 1950-е гг. в колхозе «Новая жизнь» практика оплаты по трудодням продолжалась⁵³. За пуд мяса, сданного колхозу, охотник зарабатывал один трудодень. Простое умножение пуда (16 кг) мяса на количество выработанных трудодней позволяет предположить, что охотники ежегодно сдавали колхозу от 1300 до 1850 кг мяса копытных животных, преимущественно лосей (сохатых). Денежные доходы, получаемые колхозом от реализации охотничьей продукции, были значительно выше, чем в сельскохозяйственной отрасли (см. табл.)⁵⁴.

Таблица

и экономические показатели колхоза «Новая жизнь»

1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960
6 876,0	7 584	7 122	7 343,0	7 266	5 358	4 665	?
81,0	85	883	1 651,0	1 956	1 460	708	?
12 408,0	8 608	22 380	59 653,5	26 404	19 170	37 216	31 190
30 432,3	29 914	41 791	28 039,0	44 929	31 545	36 748	62 253
42 840,3	38 522	64 171	87 692,5	71 333	50 715	73 964	93 443

Таблица составлена по годовым отчетам колхоза «Новая жизнь» за 1951—1960 гг.

Как видно из таблицы, основные промыслы в колхозе «Новая жизнь» — пушной и рыболовство. Добыча пушнины ежегодно увеличивалась за счет добычи соболя, удельный вес которого составлял от 53 до 70% стоимости заготавливаемой пушнины. В добыче других пушных животных охотники не были заинтересованы.

В охотничьем промысле района принимали участие эвенкийский колхоз «Восход» и негидальский «Новая жизнь», которые имели в своем составе 26 охотников. Они давали до 30% всей заготовленной пушнины. Однако руководители этих хозяйств в развитии охотничьего хозяйства не были заинтересованы, поэтому план добычи пушнины выполнен на 73%⁵⁵.

Основная причина невыполнения плана пушных заготовок — плохая организация труда, правление колхоза и руководство коопзверопромхоза не обеспечили бесперебойное снабжение охотников продуктами питания, не был установлен контроль за их работой на промысле⁵⁶.

В решении райисполкома отмечалась необходимость ликвидировать недостатки и обязать директора коопзверопромхоза т. Котельникова обеспечить бесперебойное снабжение охотников колхоза продовольствием, организовать в колхозе отстрел водоплавающей дичи, лов рыбы, заготовку дикоросов и заключить с правлением колхоза договор на поставку этой продукции⁵⁷.

В начале 1960-х гг. в организации охотничьего хозяйства в РСФСР произошли серьезные изменения. В целях более рационального использования угодий и увеличения производства таежной продукции стали создаваться хозрасчетные, комплексные предприятия — коопзверопромхозы (КЗПХ) и госпромхозы (ГПХ). Постановление Совета Министров РСФСР от 16 января 1962 г. «О дополнительных мерах по использованию природных ресурсов» возложило на них добычу пушнины, мяса диких животных, лов рыбы, заготовку кедровых орехов, дикоросов и пр., а также развитие пчеловодства и звероводства. Одновременно в краях и областях были созданы управления охотничье-промыслового хозяйства. В это время в районе уже функционировал КЗПХ им. Полины Осипенко. В хозяйстве основное внимание уделялось клеточному звероводству, в меньшей мере — добыче пушных, копытных животных, боровой и водоплавающей дичи. Валовой доход предприятия за год составлял чуть более 100 000 руб.⁵⁸

Во второй половине 1966 г. колхоз «Новая жизнь» был упразднен, к этому времени за хозяйством не числилось никаких долгов. Весь малочисленный и ценный инвентарь был передан русскому колхозу «Победа», в том числе и 5 охотничьих карабинов, купленных в 1955 г., а бывшие члены этой артели перешли на работу в Полино-Осипенковский коопзверопромхоз⁵⁹, где добыча пушного и копытного зверя стала основным занятием. За каждым охотником закрепили охотничьи угодья и охотничье снаряжение. Современное вооружение было однотипным — в среднем десять охотников-профессионалов имели девять гладкоствольных ружей, а на сезон охоты получали от промхоза винтовки калибра 7,62 мм или винтовки калибра 5,6 мм, которые использовались для добычи крупных и мелких животных⁶⁰.

В составе Полино-Осипенковского КЗПХ находились не только негидальцы и эвенки из ликвидированного колхоза «Новая жизнь», но и рус-

ские, численность которых в промысловом хозяйстве была превосходящей: с 1990 г. в коопзверопромхоз входило всего три негидальца⁶¹.

22 апреля 1992 г. вышел Указ Президента Российской Федерации (№ 397) «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера». Исполняя указ, Администрация Хабаровского края провела соответствующую работу по определению и закреплению территорий традиционного природопользования (ТТП) за коренными малочисленными народами региона, в том числе и за негидальцами района им. Полины Осипенко. Постановлением администрации была определена и закреплена Бриаканская, Владимирская, Полино-Осипенковская, Октябрьская и Удинско-Херпучинская территории традиционного природопользования общей площадью 1045 тыс. га⁶².

Параллельно с закреплением ТТП стали создаваться и национальные хозяйства. В Хабаровском крае насчитывается более 100 неодинаковых по форме собственности национальных хозяйств. Несколько обществ с ограниченной ответственностью появились и в районе им. Полины Осипенко — «Омал», «Охотник», «Меван», «Максимов» и «Фактория Чукчагир», за которыми были закреплены охотопромысловые угодья в черте бассейна Амгуни. За охотничьим хозяйством «Омал» закреплены ТТП в бассейне среднего течения р. Нимелен площадью 218,8 тыс. га⁶³, за национальной эвенкийско-негидальской общиной «Меван» — в бассейне среднего течения р. Амгуни площадью 74 тыс. га⁶⁴.

В настоящее время из всех этих предприятий фактически функционирует только ООО «Охотник», в котором работают 24 охотника из с. Владимировки. Основная деятельность этого предприятия — охота, рыболовство, заготовка леса, лекарственного сырья, сбор ягод, проведение учета охотресурсов и т.д. За предприятием закреплена площадь охотугодий 291,4 тыс. га при расчетной годовой добыче до 300 соболей и 10 лосей. Другие национальные предприятия практически существуют только по документам, они нерентабельны и несут большие убытки.

За годы существования советской власти традиционное хозяйство и культура аборигенов претерпели большие изменения. В условиях коллективных и государственных промышленных хозяйств охотничий промысел получил новое развитие. Однако с ликвидацией советской власти и внедрением рыночных отношений национальные госпромхозы и районные коопзверопромхозы утратили свое экономическое значение и уступили место малопрофессиональным национальным хозяйствам, которые без государственной помощи практически выжить не в состоянии.

¹ Радаев Н.Н. Гиллой-Ольдойский и Амгунский охотничье-промысловые районы // Экономическая жизнь Дальнего Востока. Хабаровск, 1926. № 6—7. С. 72.

² ГАХК. Ф.П-1729, оп. 3, д. 12, л. 1 об.—2.

³ Орлова Е.П. Негидальцы // Доклады по этнографии Географического общества СССР. Л., 1966. Вып. 3. С. 8.

⁴ Литвинцев В.П. Промысловое население Амгунского района // Экономическая жизнь Дальнего Востока. Хабаровск, 1926. № 6—7. С. 124.

- ⁵ Радаев Н.Н. Гиллюй-Ольдойский и Амгунский охотничье-промысловые районы... С. 72—73.
- ⁶ Орлова Е.П. Негидальцы... Вып. 7.
- ⁷ Итоги переписи северных окраин Дальне-Восточного края (1926—1927 гг.). Благовещенск: Дальневост. краев. стат. отд-ние, 1929. С. 109.
- ⁸ Литвинцев В.П. Промысловое население Амгунского района... С. 127—128.
- ⁹ Радаев Н.Н. Гиллюй-Ольдойский и Амгунский охотничье-промысловые районы... С. 73.
- ¹⁰ Гапанович И. В верховьях р. Немилена // Сов. Приморье. 1926. № 6. С. 73.
- ¹¹ Сухомиров Г.И. Охотничье хозяйство Дальнего Востока. Хабаровск: Кн. изд-во, 1976. С. 23.
- ¹² Радаев Н.Н. Гиллюй-Ольдойский и Амгунский охотничье промысловые районы... С. 73.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ О сроках охоты и праве на охотничье оружие (СУ РСФСР. 1919. № 21. Ст. 256); Об охоте (СУ РСФСР. 1920. № 66. Ст. 297).
- ¹⁵ СУ РСФСР. 1923. № 17. Ст. 216.
- ¹⁶ РГИА ДВ. Ф. 623, д. 40, л. 19 об.
- ¹⁷ Там же. Ф. Р-2413, оп. 4, д. 108, л. 59.
- ¹⁸ Там же. Л. 59 об.
- ¹⁹ Радаев Н.Н. Гиллюй-Ольдойский и Амгунский охотничье-промысловые районы... С. 74.
- ²⁰ РГИА ДВ. Ф. 2413, оп. 4, д. 121, л. 77 об.
- ²¹ ЦГА РФ. Ф. 3977, оп. 1, д. 365, л. 92.
- ²² Радаев Н.Н. Гиллюй-Ольдойский и Амгунский охотничье-промысловые районы... С. 74.
- ²³ Там же.
- ²⁴ РГИА ДВ. Ф. 2413, оп. 4, д. 143, л. 148, 211.
- ²⁵ ЦГА РФ. Ф. 3977, оп. 1, д. 365, л. 16.
- ²⁶ РГИА ДВ. Ф. 2413, оп. 4, д. 121, л. 36—37.
- ²⁷ Там же. Л. 41.
- ²⁸ Там же. Л. 42.
- ²⁹ Там же. Д. 108, л. 32.
- ³⁰ Там же. Д. 1724, л. 36.
- ³¹ Сухомиров Г.И. Охотничье хозяйство Дальнего Востока... С. 39.
- ³² ГАХК. Ф. 1780, оп. 1, д. 8, л. 5; д. 11, л. 16.
- ³³ Сухомиров Г.И. Охотничье хозяйство Дальнего Востока... С. 59—60.
- ³⁴ ГАХК. Ф. П-1729, оп. 1, д. 200? л. 11; Динамика заготовок пушнины и мехового сырья по району П. Осипенко Хабаровского края за 1940—1960 гг. // Ведомственный архив ДВО ВНИИОЗ. Хабаровск.
- ³⁵ Динамика заготовок пушнины и мехового сырья по району П. Осипенко Хабаровского края за 1940—1960 гг. // Ведомственный архив ДВО ВНИИОЗ. Хабаровск.
- ³⁶ ГАХК. Ф. 1898, оп. 2, д. 9, л. 17.
- ³⁷ Там же. Ф. 1780, оп. 1, д. 83, л. 1.
- ³⁸ Там же. Ф. 1817, оп. 1, д. 52, л. 11.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 1789, оп. 2, д. 78, л. 14.
- ⁴¹ Там же. Ф. 1898, оп. 2, д. 26, л. 32.

- ⁴² Там же. Ф. 1780, оп. 2, д. 78, л. 23.
- ⁴³ Там же. Ф. П-1729, оп. 1, д. 200, л. 15.
- ⁴⁴ Там же. Л. 6.
- ⁴⁵ Там же. Л. 5 об., 10.
- ⁴⁶ Там же. Л. 1.
- ⁴⁷ Там же. Л. 10.
- ⁴⁸ Сухомиров Г.И. Охотничье хозяйство Дальнего Востока... С. 70.
- ⁴⁹ ГАХК. Ф. П-1729, оп. 3, д. 12, л. 2.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 1817, оп. 1, д. 125, л. 11.
- ⁵¹ Там же. Ф. 1780, оп. 2, д. 83, л. 1.
- ⁵² Там же. Л. 3.
- ⁵³ Там же. Оп. 1, д. 36, л. 43 об., 49 об., 64; д. 42, л. 52 об.; д. 44, л. 112; д. 46, л. 67.
- ⁵⁴ Там же. Оп. 1, д. 39, л. 43 об.; д. 42, л. 52; д. 44, л. 112; д. 46, л. 67; д. 49, л. 64; д. 52, л. 46 об.; д. 55, л. 45 об.; д. 58, л. 58; д. 60, л. 78; д. 89, л. 7 об.
- ⁵⁵ Там же. Оп. 1, д. 36, л. 27.
- ⁵⁶ Там же. Оп. 2, д. 87, л. 1.
- ⁵⁷ Там же. Л. 2.
- ⁵⁸ Там же. Ф. 1459, оп. 1, д. 19, л. 1—4.
- ⁵⁹ Там же. Ф. 1780, оп. 2, д. 100, л. 31, 32, 41.
- ⁶⁰ Сухомиров Г.И. Охотничье хозяйство Дальнего Востока... С. 113.
- ⁶¹ Список работников из местных национальностей по коопзверопромхозам Хабаровского края // Личный архив автора за 1959—1991 гг. Владивосток, 1996. Л. 147—148.
- ⁶² Постановление главы Администрации Хабаровского края № 412 от 28.08.1992 г. «Об определении территории традиционного природопользования малочисленных народов Севера района имени Полины Осипенко» // Личный архив автора за 1959—1991 гг. Владивосток, 1996. Л. 103—107.
- ⁶³ Постановление главы Администрации Хабаровского края № 456 от 29.09.1992 г. «О закреплении охотничьих угодий за промысловым охотничьим хозяйством (товарищество с ограниченной ответственностью) «Омал» района имени Полины Осипенко» // Личный архив автора за 1959—1991 гг. Владивосток, 1996. Л. 116—118.
- ⁶⁴ Постановление главы Администрации Хабаровского края № 505 от 22.10.1992 г. «О закреплении охотничьих угодий за национальной эвенкийско-негидальской общиной (товарищество с ограниченной ответственностью) «Меван» района имени Полины Осипенко» // Личный архив автора за 1959—1991 гг. Владивосток, 1996. Л. 119—122.

SUMMARY: The article “Negidal’s hunting process in Soviet and post-Soviet periods” deals with economic activity of Negidal. Negidals lived in the area named after Polina Osipenko Khabarovsk region. Hunting for the forest animals, fishing and deer-raising was an important part of their traditional life-style. Hunting is a main type of economic activity. During the Soviet period Negidals worked in the collective farm “New Life” and other farms. In 1966 collective farm “New life” was destroyed, and farmers—Negidals hunters started to work in cooperative named after Polina Osipenko. After the collapse of the Soviet Union and the establishment of the Russian Federation Negidals organized national communities “Omal”, “Mevan”, “Hunter” and etc. for hunting. Negidals are good hunters and fishermen.